

Вьетнамские писатели в Москве

Вчера в Москву по приглашению Союза писателей СССР из далекого Хеноа приехали шесть вьетнамских литераторов. Имена некоторых уже известны советским читателям. Руководитель делегации Нгуен Ван Бонг пользуется большой популярностью не только у себя на родине, но и за ее пределами. Его повесть «Буйвол», рассказывающая о борьбе вьетнамского народа за свободу и независимость, вышла недавно на русском языке. Много очерков и рассказов принадлежит перу Нгуен Нгаука. Писатель Доан Зыой — автор романа «Рыба Бонг лун» — о жизни и борьбе крестьян, а также ряда повестей и рассказов. Во Хюи Там совсем молод, но его роман «Район шахт» уже завоевал широкую популярность, а рассказ «Возвращение шахтера» передавался недавно по Советскому радио. Тхань Тин — поэт, прозаик и драматург. Особенно большой популярностью пользуются его стихи и басни для детей и юношества. В составе делегации поэта Ань Тхо, автор недавно вышедшего сборника стихов «Новые зарисовки».

На Ярославском вокзале гостей встречали московские писатели, критики, переводчики, а также временный поверенный в делах Демократической Республики Вьетнам в СССР Нгуен Тзынг и сотрудники посольства.

Со словом приветия к вьетнамским литераторам обратился председатель иностранной комиссии Союза писателей СССР С. Михалков. Руководитель делегации Нгуен Ван Бонг, поблагодарив за радужный прием, сказал: — Я и все члены делегации бесконечно рады встрече с Москвой. Как и все вьетнамцы, мы мечтаем побывать в Советском Союзе, и эта мечта осуществилась. У нас обширные планы. Мы надеемся здесь многое увидеть и многое узнать.

Вьетнамские писатели пробудут в СССР в течение месяца. Они посетят многие города и республику страны, встретятся с советскими писателями и переводчиками. На следующий вьетнамские писатели на пароле Ярославского вокзала. Слева направо: Во Хюи Там, Тхань Тин, Ань Тхо, Нгуен Нгаук, Нгуен Ван Бонг, Доан Зыой.

Фото А. Ляпина

участвовали в Октябрьском штурме рабочие нашего завода, носящего теперь великое имя Ленина.

В этом году мы будем праздновать сорокалетие Великой Октябрьской социалистической революции. И я очень доволен, что сорок лет своей зрелой, ответственной жизни провел на заводе, где так живы и крепки славные революционные традиции прошлого. В стрелочной жизни советских людей оказалась вложенная часть и моего труда. В этом моя большая рабочая гордость. На многих промышленных предприятиях Советской страны стоят сборочные в нашем цехе мощные воздушные двигатели. Много их мы отравили в Китай и Вьетнам, в Болгарию и Польшу. Ширится и растет наша рабочая связь с зарубежными товарищами и друзьями. Многие из них были на нашем заводе. Как по священной земле, ходили они по проспектам и улицам Невской заставы, овеянным традициями Октября, выдавшим у себя великого Ленина.

Как неузнаваемо изменилась за последние годы наша родная заставка! Исчезли обветшалые деревянные домины, в которых когда-то жил рабочий люд. На смену им поднялись многоквартирные корпуса новых жилых домов. Новые, залитые асфальтом улицы появились на бывших пустырях. По побережью широкой многоводной Невы далеко вытанулся проспект Обуховской обороны.

Счастье жизни мы создаем своими руками и никому не позволим помешать нашему мирному труду.

Мы можем смело оглянуться на прошлое и так же смело посмотреть в свое будущее.

Арсений Иванович АНДРЕЕВ, слесарь цеха сборки воздушных машин Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина

«Ложка дегтя» — под таким названием в «Литературной газете» 20 ноября была напечатана корреспонденция и я, рассказывающая о том, как плохо обстоят дела в радиотехнической промышленности о нуждах владельцев телевизоров. Создавая немалое количество телевизоров новых марок, промышленность добилась в то же время полной унификации их деталей — одни и те же детали выпускаются разных типов, затрудняя их замену. Нет в продаже малогабаритных предохранителей. Когда они перегорают, директорам магазинов приходится обменивать приобретенные покупателями телевизоры на новые.

Корреспонденция вызвала большое количество читательских откликов, полных резких упреков в адрес руководителей радиотехнической промышленности. Как бы в ответ на эти упреки заместитель министра радиотехнической промышленности А. Шюкин прислал в редакцию пространное письмо, в котором... Впрочем, пусть наши читатели сами ознакомятся с этим письмом, которое мы печатаем с некоторыми сокращениями.

Тов. ШЮКИН «Конструкторским бюро Министерства радиотехнической промышленности, — утверждает он, — за последнее время проведена значительная работа по унификации основных узлов и деталей телевизоров... Во всех девяти телевизорах, выпускаемых и подготовляемых к выпуску на предприятиях министерства, применены унифицированные трансформаторы строчной и кадровой развертки, отключающие системы, блокнот-трансформаторы, динамические громкоговорители, переклюкатели программ, регуляторы горизонтального размера строк, предохранители и т. п.

В соответствии со схемными и конструктивными особенностями новых телевизоров малогабаритные унифицированные переклюкатели программ (ППП) выпускаются одного типа в трех вариантах... Во всех новых телевизорах применяется один и тот же малогабаритный предохранитель, размеры которого соответствуют международным нормам... Каждому телевизору прилагаются запасные предохранители. Производство предохранителей также централизовано, и они начали выпускаться в массовом количестве.

В новых телевизорах применяется два вида антенных штеккеров... Для нескольких по прямоугольному экрану при их разработке был принят 12-штырьковый цоколь, однако в связи с тем, что предприятия Министерства химической промышленности не смогли обеспечить поставку необходимых цоколей, Министерство радиотехнической промышленности было вынуждено временно использовать 8-штырьковые цоколи.

В течение гарантийного срока работоспособность телевизоров у всех потребителей должен обеспечивать государственный радиотрест Министерства связи СССР, за что наши предприятия выплачивают ему большие средства, которые ими полностью не используются.

В заключение заместитель министра утверждает, что «в корреспонденции «Ложка дегтя», как это следует из приведенных выше фактов, неверно освещается положение дела с состоянием унификации узлов и деталей новых телевизоров».

Чтобы выяснить этот вопрос, редакция ознакомилась с содержанием письма А. Шюкина к большой группе специалистов, среди которых были представители государственной инспекции по качеству продукции при Министерстве торговли СССР, государственного радиотреста, телевизионных ателье, директора радиоматериалов. На составленном в редакции совещании им потребовалось ровно четверть часа, чтобы полностью опровергнуть А. Шюкина. Воспроизводим их выступление по стенограмме.

Почему недовольны владельцы телевизоров

ПО СЛЕДАМ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ЛОЖКА ДЕГТЯ»

А. Канаева, главный инженер радиотреста: «Письмо тов. Шюкина — формальная отписка. Он утверждает, что существуют только два штеккера. Это неправда. Шюкин говорит только о телевизорах последних выпусков, скрывая со счетов все остальные. Далее Шюкин утверждает, что промышленность выпускает ППП одного типа в трех вариантах. Это тоже неправда. Вот документ Министерства радиотехнической промышленности, разрешающий заводам их министерства выпускать ППП в шестнадцати вариантах...»

К. Бисов, работник радиостудии ГУМ: «Шюкин рассчитывал, как видно, на то, что в редакции нет специалистов по телевизионной технике. Иначе непонятно, как он мог написать такое опровержение. Несмотря на утверждение Шюкина, ППП в продаже все-таки нет. Что касается штеккеров, то я принес их в семи вариантах. Вот они... Если бы так работала электротехническая промышленность, то все розетки в этой комнате были бы разные».

Н. Тарасов, директор радиоматериалов № 42 Мосгустовстроя: «ППП? Их в продаже нет! Штекеры выпускаются во множестве вариантов. И это было бы полбеды, если бы они хоть имелись в продаже. Мы отказываемся в штеккерах сотням покупателей».

С. Левин, директор телевизионного ателье № 8: «Скажу коротко — письмо Шюкина, мягко говоря, необъективно. Нет не только широкой унификации деталей, но даже телевизоров одной и той же марки, если они выпускаются разными заводами».

Отсутствие ППП и штеккеров, как и некоторых других унифицированных деталей, оказалось, по меткому выражению одного из участников совещания, только каплей из той ложки дегтя, которую вместе с телевизором получают покупатели. Собравшиеся в редакции специалисты предъявили Министерству радиотехнической промышленности куда более крупный счет, чем автор корреспонденции, опубликованной в «Литературной газете».

Выпускаемые министерством телевизоры имеют часто такое количество дефектов и поломок, что по словам начальника технического отдела радиотреста М. Файна, чем больше выпускается у нас телевизоров, тем больше становится количество недовольных покупателей.

На совещании был приведен такой пример хрупкости «Рубина». В Ташкенте на самолете «ТУ-104» были отправлены пять высококачественных образцов этого телевизора — ни один из них не выдержал испытания пути. Можно представить, в каком же состоянии прибывают на места телевизоры, отправляемые по железной дороге!

Новые марки телевизоров выпускаются часто без проверки их эксплуатационной надежности, без «испытания на тряску», как практиковались раньше при производстве телевизоров («Рембрандт», экспортируемый на ГДР в небольших количествах, был испытан у нас таким образом: радиотрест представил его опытные образцы разным лицам на шестимесячную эксплуатацию, затем сообщил фирме замеченные недостатки, и лишь после их исправления телевизор был выпущен в продажу). Наши предприятия предпочитают перепоручать эту предварительную эксплуатационную проверку... самому покупателю.

Газетам и журналам, — говорили участники совещания, — надо быть осторожными при помещении сообщений о выпуске новых телевизоров. Надо рекламировать только те образцы, которые выдержали предварительные испытания, получили одобрение покупателей. Инженеры, побывавшие на многих за-

водах, выпускающих телевизоры, рассказывали на совещании, что их выпуск производится до сих пор в цехах ширпотреба в полукапитальных условиях. (В. Рассахин из радиотреста считает, например, что телевизоры должны выпускаться на крупных специализированных предприятиях).

По завлечению директоров радиоматериалов, никогда раньше им не приходило принимать обратно такое количество телевизоров, как за последнее время. Представитель Центрального универмага (ЦУМ) С. Лоскутов огласил справку на складах универмага скопилось почти на 900 тысяч рублей телевизоров, имеющих дефекты, которые аводы отказываются исправить. Руководители Александровского завода, узнав, что универсам возвращает им партии телевизоров «Рекорд», предупредили по телефону: — Не везите, не пустим машину на территорию завода.

К сожалению, по этому принципу — «Сдано и с плеч долой» — работают не только руководители Александровского завода.

Потребуется все много места, чтобы наложить весь тот огромный счет, который участники совещания предъявили Министерству радиотехнической промышленности и его предприятиям.

Гарантия... Ремонт... Редакция «Литературной газеты» попросила собравшихся ответить на вопрос: «Чем ж вызвана, по их мнению, такая плохая работа многих заводов, выпускающих телевизоры?»

Ответ был единодушным: — Причина кроется в том, что заводы освобождены от ответственности за качество своей продукции. Директор телевизионного ателье № 1 А. Кондраков легко доказал это.

— Когда в продаже появились первые советские телевизоры, — заявил он, — было объявлено, что заводы гарантируют их качество в течение шести месяцев, что пишет тов. Шюкин в «Литературной газете». В течение гарантийного срока работоспособность телевизора у всех потребителей должен обеспечивать государственный радиотрест Министерства связи СССР, — то есть наши телевизионные ателье. Таким образом, гарантированный заводом срок высококачественной работы телевизоров заменен гарантийным сроком бесплатного ремонта. Министерство как бы закладывает директорам своих предприятий: «Ваше дело только выпускать телевизоры, за качество же их отвечают ремонтные ателье». Что произошло бы в нашей стране, если бы на таких условиях промышленностью выпускались, например, обувь, одежду, мебель, машины, станки? Подобная «гарантия» является худшим злом, которое только можно себе представить и для промышленности, и для потребителей.

Это заявление получило полную поддержку всех участников совещания. Гарантийному делу надо вернуть правильное первоначальное понятие — заводы обязаны отвечать за бездефектную работу телевизоров. Только при этих условиях можно будет организовать на предприятиях, выпускающих телевизоры, настоящую борьбу за их качество. Отметим, к слову, что такое новое, «облегченное» толкование понятия гарантии качества продукции переняли и некоторые другие отрасли нашей промышленности, выпускающие, к примеру, пылесосы и стиральные машины.

Публикуя отчет об этом совещании специалистов, редакция «Литературной газеты» надеется, что мнения, высказанные в ходе его работы, помогут Министерству радиотехнической промышленности срочно принять меры для ликвидации причин, вызывающих у потребителей недовольство их продукцией.

Заводу — сто лет!

На знакомом фасаде заводу управления — портрет Владимира Ильича Ленина. Вся ограда украшена флагами, плакатами. Всюду шумно, оживленно, все поздравляет друг друга с наградой. Ленинградскому Невскому машиностроительному заводу имени В. И. Ленина сто лет. К его прежней награде — ордену Трудового Красного Знамени, полученной за заслуги в индустриализации страны, сегодня прибавилась новая, еще более почетная — завод в связи со столетием награжден орденом Ленина. Есть у нас в стране заводы, которые несомненно вошли в историю народа, в историю революционной борьбы рабочего класса.

Из цехов завода в свое время выходили военно-морские суда, стоявшие на уровне передовой техники. Отсюда поплыли паровозы, сделанные для первых русских железных дорог. Здесь работал переклассный мастер, талантливый русский конструктор кораблей П. А. Тятлов. В советское время из цехов завода Ленина страна получала и котлы, и турбины, и компрессоры. Машинный отсюда, с берегов Невы, идет не только во все уголки нашей Родины, но и во многие страны мира.

За Невской заставой Ленин создавал первые рабочие кружки, их посещал, в частности, семнадцатилетний рабочий Иван Васильевич Бабускин. Вооруженные отряды завода штурмовали Зимний, охраняли Смольный.

...Первое, что бросилось нам в глаза сегодня утром в кузнечном цехе, — «молины», выпущенная комсомольцами. Они поздравляли своего товарища, одного из лучших кузнецов не только завода, но и города, Ивана Ефимовича Бурлакова с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда. Кузнецом-ударником, Александром Александровичем Шенниковым, товарищ Бурлакова по цеху, награжден орденом Трудового Красного Знамени. Высокой правительственной наградой — орденом Ленина отмечен слесарь А. И. Андреев, автор публикуемой сегодня в нашей газете статьи.

Сегодня на заводе Ленина — праздник. Это праздник всей Невской заставы, всего Ленинграда.

А. ВАСИЛЬЕВ

Из окон моей квартиры виден Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина. Впервые я пришел на завод 15-летним подростком. И вот уже проработал 42 года.

На моей памяти здесь стояли еще старые примитивные корпуса, в полутемных, душных и чужих цехах вручную разбивали металл, в котельной прохотали и металлы, в «глухарях» в механических мастерских шипа, как змеи, ползли и извивались трансмиссии. Изнурительный, напряженный ручной труд был всюду.

Когда теперь рассказываешь об этом молодежи, на их лицах появляются недоумение и усмешка: — Как же это работало? Для всех станков одна скорость? Все зависело от какой-то трансмиссии?

Но не стоит, пожалуй, вспоминать эту давность. Всего пять-шесть лет тому назад рабочие нашего сборочного цеха воздушных машин выпускали за месяц лишь три машины. А теперь это количество выпускает одна бригада, состоящая из пяти человек. Эти успехи пришли к нам вместе с новой советской техникой, с более совершенным и детально продуманным процессом труда. Еще вчера новое было для нас только

много же рабочего коллектива. Ведь только за последние годы наш завод выпустил столько продукции, сколько не смог бы выпустить еще за добрую сотню лет при работе в дореволюционных условиях.

Эти чудотворные возможности небылого роста принесла нам советская власть, наша партия.

В день знаменательной даты в жизни завода радостно сознавать, что основы великой революционной преобразования всей жизни во многом были заложены в нашем городе, здесь, за Невской заставой. На нашем заводе работала слесарем Иван Васильевич Бабускин, ученик и молодой друг Владимира Ильича Ленина. В Смоленской вечерней школе преподавала Надежда Константиновна Крупская. Рабочие приобщались к самой великой из всех наук — науке революции. Здесь, за Невской заставой, были воздвигнуты баррикады знаменитой Обуховской обороны. По призывам большевиков много раз бастовали рабочие бывшего Семьянинского завода. В дни Октября, когда рождалась судьба пролетариата России, на нашем заводе был третий штаб большевистского центра рабочих Невской заставы. Вместе со всем петроградским рабочим классом

Случаи из практики

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Разумеется, речь идет не о свойствах какой-то профессии. Писатель может изображать случаи из литературного, или художественного, или артистического, или любого другого, социального или профессионального, бытия лишь тогда, когда эти случаи могут быть исследованы как типическое проявление общественных отношений данного времени. Значит, критерий, было или не было среди художников что-нибудь подобное тому, что описано в повести, не заслуживает внимания, поскольку речь идет не о фальсификате, а о повести. Здесь решает другое: что рассказывает описанный случай о жизни и человеке, чему учит, как писатель через этот случай судит о жизни.

Но чтобы разобратся в этом, придется обратиться к образу Ганюси, очередной жертвы Романа Петровича.

Ганюса, дочь вдовы-колонкиницы из Полесья, после окончания семилетки поехала в большой город и сдавала экзамен в техникум, но провалилась по математике. Решила не возвращаться домой. Знакомая помогает ей устроиться на работу в дом отдыха «Березовая дача» в часе езды от города. В первых же главах повести писатель знакомит своего героя с художником Романом Петровичем, приехавшим в «Березовую дачу» «на натуре», и с тех пор неотступно следит за ее переживаниями и мыслями. А они выглядят так.

Когда Ганюса, любовавшаяся картиной Романа Петровича, увидела его самого, она «сразу все похолодела», почувствовала себя прикованной к полу под взглядом чужих, незнакомых и даже страшных почему-то глаз. «Не могла даже разозлиться сейчас, какой он — старый или молодой, красивый или некрасивый». Одним словом, чувствовала она себя так, говорит автор, будто «стоит она перед ним, чужим и незнакомым, совсем раздетой».

Вскоре Роман Петрович рассказывает о новой картине и просит Ганюсу похвалить. «Девушка слушала его словно в каком-то забытьи». Разговор этот, как утверждает автор, «попоял какую-то странную сумятицу в чувствах» героини. «Тот разговор, как и вообще встреча, разбудил какие-то неясные, тревожные и

несколько дней, наслаждавшись сладких речей Романа Петровича (она даже в мыслях не смела назвать его Романом), Ганюса снова «забыла обо всех своих горестях».

На осеннюю натуру знаменитость тоже пришла, но остановилась в «Березовой даче» не решась и сняла частную комнату. Ганюса об этом узнала случайно и встретилась с ним тоже случайно. Он был приветлив, но не больше. Девушка носила ему обеды из дома отдыха, хотела поговорить, но каждый раз не решалась сделать это. Она «будто все еще на что-то надеялась». Однажды все еще не решалась, а потом пустилась сплетню, будто девушка преследует его и не лет ему от нее житья.

Можно назвать бесконечное множество примеров перехода от надежды к разочарованию, но для этого пришлось бы переписать добрую половину повести, до того тщательно описывает автор то, что происходит с Ганюей во всем, что касается ее отношений с Романом Петровичем. А между тем переживания Ганюи крайне несложны: от «стыдливости» до «покорности» и обратно — вот, пожалуй, и все. Но по крайней мере эта скрупулезность и попытка проследить диалектику души являются для нас верным указанием, что в образе своей героини автор не собирался изобразить такую дурочку, готовую влюбиться в первого встречного потому, что «ее время пришло». Ничего подобного, разумеется, Ганюса — жертва несправедливости, воплощенное страдание. Правда, в повести можно найти мысли героини о работе, учебе, о людях, которые ее окружают. Но все это звучит глухо, а главное, очень мало влияет на решение основного художественного конфликта.

В этом-то и слабость повести, в этом-то и ограничение ее обобщения. От начала своего знакомства с художником и до конца повести Ганюса неизменно находится в состоянии, подобном гипнозу. Ни надежды, ни сомнения, ни сами встречи с «ним» и отдаленно не напоминают того чувства, которое можно было бы назвать светлой, чистой девичьей любовью. Можно понять безрасчетность и слепоту настоящей любви, но то, что происходило с Ганюей, сильно похоже на забитость, безволие. А если бы на месте Романа Петровича-художника был Роман Петрович-колонкищик, Роман Петрович-слесарь, словом, кто-либо другой, не умеющий так «здорово» рисо-

вать, Ганюса тоже проявила бы столько «покорности» и только «покорности»? Или тогда она вела бы себя с большим достоинством и не позволяла бы столь нагло смеяться над собой? Но если так, тогда не оставалось бы ничего другого, как объяснить случившееся с Ганюей тем «особым обстоятельством», что «ее» Роман Петрович находится так высоко по своему положению, что Ганюса со своего места и впрямь оставалась только молиться на него да выполнять его желания. Но в таком случае пришло бы пожалеть «маленького человека», разделить его обиду и исчерпывающе бы смысл повести. Едва ли стоило упоминать, хотя и благородная цель оправдывает бы кропотливый и добросовестный труд писателя.

Классическая украинская литература, начиная с «Катерины» Шевченко, очень серьезно рассматривала случаи, внешне подобные тому, который изображен в повести «Сальвия». Какую драму жизни увидел Шевченко за случаем с Катериной! Деревенская девушка, полюбившая солдата, заведомо обрекала себя на горе и на слезы. Солдат ведь только стоит — он чужой человек. А солдатчина — почти бесконечна. После солдатчины какой он жених и в тому времени какая из нее невеста? В «Катерине» обидчиком девушки выступает пан, офицер. Он мог смеяться над простой девушкой по праву господина. Помните, как в конце поэмы мальчик, повздорив слепца, просит милостыню у богача — у отца, бросившего его? Вот в чем наша сущность «своего» случая Шевченко. Хорошая это традиция — исследовать явления как можно более тщательно и, показывая их, рассказывать о жизни.

Но вернемся к повести Козаченко. На последних страницах Ганюса начинает размышлять о своем положении, и ее беспочвенная мысль, можно ли теперь, после всего случившегося с ней, верить людям? Принять всевозможные рассуждения нельзя никак, потому что речь, в сущности, может идти о доверчивости, а не о любви, Ганюса оправдывает свою доверчивость, а называет ее доверием. А между гражданским понятием доверия и глупой доверчивостью, как ее продемонстрировала Ганюса, — ироничная разница. Ганюса могла и не заметить этой разницы, но писатель, коль скоро он консуется этого вопроса, был обязан заметить. Проблема доверия не получила здесь развития, хотя, например, там, где речь шла об отношении к Роману Петровичу его коллег, у писателя был достаточный жизненный материал, чтобы решить эту проблему.

Как видите, мы не спрашиваем правды случая, который изобразил автор. Бывают и Романы Петровичи и глупые Ганюси. Бывают. И все же случай этот рассматривается недостаточно глубоко и недостаточно современно.

А если бы всмотреться в него попристальней, могла бы возникнуть и современная постановка вопроса. Но тогда героиня должна была предстать перед судом читателя как существо, лишенное чувства человеческого достоинства, не умеющая, да и не желающая пользоваться великими правами человека. Ведь она не батрачка, которая должна угождать, потому что некуда ей деться, и молча плакать, потому что некому пожаловаться, ведь не при ней это было — идиотизм деревенской жизни, когда девушка в ее положении не было иного выхода, как в прорубь. Но, что подделает, автор считает ее высокопозволенной героиней и пытается привлечь к ней симпатии.

Слабость постановки моральной проблемы в повести В. Козаченко заключается, на мой взгляд, в том, что он судит только мораль Романа Петровича, в то время как и мораль Ганюсы во многом заслуживает осуждения, как мораль, несомненная с нравственными нормами гордого советского человека. Мещанин, наглый, хам живет только благодаря тому, что не перевелось еще, черт возьми, рабы преклонение перед тем, что прежде называло себя барин, а сейчас пускает пыль в глаза своим «особым положением», «бывальством», «умением жить» и даже «образованностью». Если мещанская наглость и чванство — пережиток прошлого, то отсутствие гордости, неумение постоять за свою честь советского человека — тоже пережиток.

И столь же омерзительный. Человек, попавший в беду, достоин сочувствия, и ему нужно помочь. Мы сочувствуем героине, но как ей помочь? Думается, что в таких случаях лучшей помощью было бы сказать ей правду о ней самой. Ибо как нет в нашем обществе условий, которые делали бы какого-нибудь Романа Петровича всемогущим, так нет условий для того, чтобы Ганюса считала себя беззащитной. И вообще, с каких это пор мы превратились в неразумных малам, которые пугают инселями своих 18-летних «малышей»? Девушке, которая мнит себя «любимой, почти женой», мы готовы простить все на свете, ходим вокруг, ахаем да оаем, да заглядываем в глаза — не платит ли. А спрашиваем с нее когда начнем? В том числе и за нарушение нравственных

ЭТО было в начале двадцатых годов. Маленький, шустрый, с узкой птичьей головой, «оснащенный» мясистым носом и оттопыренными ушами, Яков Уэлков появился в узком эфирном городке Дудари в качестве корреспондента губернской газеты. Лет ему было немного — от силы двадцатка, но держался он чрезвычайно независимо и важно, а свои статьи в газете подписывал так: Якуз.

В те трудные годы...

«Я лично пришел сюда, чтобы в художественной форме осмыслить наиболее свежие и по возможности увлекательные факты», — гордо заявил он сотрудникам уголовного розыска при первом знакомстве. Причем сразу же выяснилось, что обыкновенные, так сказать, рядовые факты Уэлкова не интересуют. Ему подавайте что-нибудь такое фундаментальное... что-нибудь незаурядное... что-нибудь такое экстраординарное... «Он любил описывать все самое крупное, небывалое, выдающееся».

С Уэлковым мы знакомимся в самом начале новой повести Павла Нилкина «Жестокость» (первая повесть этого цикла — «Испытательный срок» — была опубликована в «Знамени» № 1 за 1956 г.). Закачивается «Жестокость» тоже описанием Уэлкова, который после всех трагических перипетий повести борется илет вперед и сочувствует «бесстрашно смотрит правде в глаза». В самой же повести Уэлков действует мало, в бурных же событиях участия почти не принимает. Он лишь живет рядом с героями. И все же именно в нем, в этом, так сказать, периферийном образе, ключ к пониманию смысла описываемого, к большой и серьезной идее, лежащей в основе произведения.

Непосредственным же, «прямым» героем повести является Вениамин Малышев — Венька Малышев, помощник начальника уголовного по секретно-оперативной части. Венька — правдолюб в прямом и добром смысле этого слова: «Советская коммунистическая надо иметь или не надо... Во всяком деле можно словчить и всех обмануть, но коммунист лгать не должен. Не имеет права лгать». «Мы за все отвечаем, что есть и что будет при нас». В этих словах весь Венька — мужественный, цельный, честный, душевный, много думающий человек. Именно такими — смелыми, скромными, самоотверженными, честными, бесконечно преданными советской власти и коммунистическим идеям — и представляем мы себе комсомольцев первых лет революции, «первых комсомольцев», сверстников Павла Корчагина.

Они во всем противоположны — Уэлков и Венька. Первый — с его неуемным стремлением все приукрасить, прикрыть цветистой фразой. И второй — с его постоянным стремлением докопаться до сути вещей и явлений и все переделать по-своему, так, как велит ему его неумная комсомольская совесть. Уэлков — противник таких людей, как Венька. И не мудрено, что они постоянно сталкиваются в повести. Но начнем по порядку.

Венька Малышев и его товарищи борются с бандитами, которых в те трудные годы было очень много в сибирской тайге. Бандиты убивали сельских активистов, нападая на кооперативы, грабили на дорогах, возбуждали у населения недовольство новой властью, сеяли смуту среди крестьян. Покончить с ними как можно скорее было жизненной необходимостью молодой советской власти.

Работа эта была подлинно героической, она требовала от работников уголовного розыска большого личного мужества, избирательности, огромного напряжения всех сил. Впрочем, и само понятие «героическое» Уэлков и Венька толковали тоже по-разному. Уэлкову нужны были чудо-бо-

Павел Нилкин, «Жестокость». Повесть. Из цикла «Подвиги жизни». «Знамя», № 11, 12, 1956.

мер, тот житейский случай, который представлен нам Д. Грандинским в рассказе «Собственное мнение». Исполняющий обязанности директора института Минаев отклоняет статью инженера Ольховского, содержащую критику в адрес «влиятельного» академика, потому, что она может помешать утверждению его директора. Статья ему определенно нравится, но он отклоняет решение вопроса до своего назначения. Отстаивать собственное мнение? Не достаточно иметь это самое мнение, к нему надо иметь еще и соответствующее положение... Эта мысль привычно успокаивала.

Но, став директором, Минаев не помог Ольховскому, во-первых, потому, что следовало «укрепиться», — не начинать же ссорой с самим академиком! — во-вторых, потому, что Ольховский покровительствовал директору горкома и поддерживал инженера тот расценил бы как личное оскорбление. В угоду Локтеву, всеильному инструктору горкома, Минаев переводит Ольховского куда-нибудь подальше от центра. Переводит и по-прежнему будет успокаивать себя тем, что станет честным, когда будет сильным.

Писатель мог заметить именно такой вот случай и услышать откровенное признание какого-нибудь Минаева. Ему мог встретиться и не один такой случай двоедушия и трусости. И их тоже могли объяснить все той же философией: надо сначала добиться соответствующего положения, а тогда уже отстаивать собственное мнение. Но в чем видит автор правду подобных случаев?

По рассказу получается, что психология Минаева свойственна по крайней мере значительной части тех, кто чем-нибудь руководит, и она определяется самим их положением, требующим подчинения одних другим. Когда Минаев спросил своего референта, зачем он пишет об Ольховском не то, что думает, тот без тени смущения ответил: «Я пишу так, как вы хотите, чтобы когда-нибудь писать так, как я считаю нужным». И там, где говорится о молодости Минаева, вспоминается суровый окрик начальника цеха: «Тебе, Минаев, еще рано высказываться. Куда ты лезешь со своими сдвигами против главного конструктора? Он тебе все будущее закроет. Что ты есть? Мастер. Таких глотают, не разжевывая». Борьба, которую пытался тогда вести Минаев, называется «безнадежной борьбой», на нее он и два его товарища могли убит «три, пять... десять лет и ничего бы не добились». Борьба Ольховского также названа в рассказе «безнадежной». Вот, оказывается, кака-

И. ПИТЛЯК

Венька чувствует себя обманутым — ведь теперь выходит, что и сам он, Венька, обманул людей, которые ему поверили. А тут еще, как назло, подоспели и любовные огорчения: Веньке кажется, что к нему равнодушна Юля — девушка, которую он полюбил со всем пылом первой юношеской страсти. В довершение всего Венькин письмо к Юле — первое в его жизни любовное письмо, в котором он пытался выразить самые сокровенные свои чувства, случайно попало в руки Уэлкова и теперь, конечно, станет известно всему городу.

Все это вместе взятое приводит Веньку в отчаяние. Боль нестерпима. И Венька пускает себе пулю в лоб... Нет, писатель не оправдывает самоубийства Веньки. Это в корне противоречиво по мужественному и честному строю всей повести. Минувшая Венькина слабость непростительна. Это — дерзостное, которое в конечном счете на руку только Уэлкову.

С мыслью о том, что Венька мог так поступить, почти невозможно примириться, она вызывает глубокий внутренний протест у всех Венькиных друзей, в том числе и у читателя повести. И все же думается, писатель имел право в данном случае на заострение конфликта.

И еще одно. Что значит странное название цикла повести П. Нилкина — «Подвиги жизни»? Мне кажется, что название это можно расшифровать примерно так: жизнь, она все состоит из подробностей, из них, из этих малых подробностей, складается большое, принципиально важное, значительное.

Это нашло отражение и в самой поэтике новых повестей П. Нилкина, в простом, нетронутом, внешне «негероическом» рассказе, в писательском внимании к «мелочам жизни», за которыми очень часто скрыт огромный смысл.

Вот, например, эпизодический случай с комсомольцем Егоровым, которого собираются исключить из комсомола за то, что он якобы принимал участие в церковном обряде — крещении ребенка. В защиту Егорова выступает Венька Малышев, который склонен верить комсомольцу, а не церковному старосте. Егоров не исключают из комсомола. А после собрания Уэлков говорит Веньке: «Иногда в политических интересах надо сурово наказывать одного, чтобы на этом примере научить тысячи... Егоров же какая-то особенная фигура. В огромном государстве, даже в пределах одной губернии его и не заметишь. Как какой-нибудь гвоздик. А тем не менее, за его дело мы могли бы научить многих...»

Вот, оказывается, какая серьезная общественная проблема может возникнуть из такого незначительного, казалось бы, эпизода. Ведь в огромном государстве Егоров, действительно, не более, как «гвоздик». Все дело в том, как к этому «гвоздику» отнестись. Для Уэлкова Егоров — ничто, «подробность», с которой можно не считаться. А для Веньки Малышева — это самое дорогое и важное, ибо за каждой «подробностью» он видит человека, человеческую судьбу.

Новая повесть Павла Нилкина, в которой рассказывается о событиях более чем тридцатилетней давности, говорит о том, что нужно прожить жизнь так, чтобы никакая не кривить душой, не отступать от великой правды коммунизма — ни в большом, ни в малом, ни одним словом, ни одним шагом.

Вот, оказывается, какая серьезная общественная проблема может возникнуть из такого незначительного, казалось бы, эпизода. Ведь в огромном государстве Егоров, действительно, не более, как «гвоздик». Все дело в том, как к этому «гвоздику» отнестись. Для Уэлкова Егоров — ничто, «подробность», с которой можно не считаться. А для Веньки Малышева — это самое дорогое и важное, ибо за каждой «подробностью» он видит человека, человеческую судьбу.

Новая повесть Павла Нилкина, в которой рассказывается о событиях более чем тридцатилетней давности, говорит о том, что нужно прожить жизнь так, чтобы никакая не кривить душой, не отступать от великой правды коммунизма — ни в большом, ни в малом, ни одним словом, ни одним шагом.

них, не понял, как, в сущности, ничтожно их место в нашей большой жизни. Подальшее большинство русских классиков смотрело на современный им уклад жизни осуждающе, со многим они не могли мириться. Иные всей душой отрицали тот отрод, который держался на подавлении мысли и воли народа. Талант и гнев шия рука об руку. Но каждый понимал, что гнев не освобождает художника от обязанностей исследователя явлений и социального строя жизни. Больше того, вынуждает художника быть всеосторонне объективным. Писатель-реалист считал недопустимым произвольное истолкование отдельного случая.

Советские писатели любят свое общество, его настоящее и будущее. Они так же уверены в будущем, как и весь народ. Так, если гнев против строя не мешал реалисту исследовать, добираться до корней фактов, то разве любовь к нашему обществу освобождает художника от того же — от исследования причин явлений, от определения места наблюдаемого в жизни факта? Все равно как-то отрицательного или положительного. Неудачи некоторых произведений в критике отрицательных явлений нашей действительности объясняются, на мой взгляд, недостаточной глубиной этой критики. Смелость художника, думается мне, состоит не в том, чтобы бросить на страницы книги острые сами по себе факты, а в том, чтобы как можно глубже раскрыть их социальную и психологическую природу, их жизненную почву. Там, где писатель ограничивается только описанием положения, факта, его подстерегает опасность лакировки, искажения истины. Когда он делает то же самое с отрицательным фактом, его положение не лучше. А нам, как воздух, нужна суровая и героическая правда, открывающая человека, вооружающая его на борьбу за коммунизм. И мало ли терям мы на том, что художник закрывает от себя и от нас тот источник красоты искусства, который таится в познании тончайших жизненных связей, возбуждении широких ассоциаций, создании глубокого художественного подтекста?

Нет ничего более противостественного для литературы социалистического реализма, как вылатать голый факт за чистую правду, а описание этого факта хотя бы и самое тщательное, — за полноту и искусство. Умисне видеть в фактах, в случаях логику жизни — лучшее свидетельство зрелости таланта, идеальности и красоты литературы.

вас и на все и не стыдиться... Нам дадут награды, а Лазарь и других выветут в расход. Пусть Лазарь был бандит, но ведь он же тогда еще не понимал, какая может быть жизнь... Нет, я не могу теперь успокоиться!..»

Венька чувствует себя обманутым — ведь теперь выходит, что и сам он, Венька, обманул людей, которые ему поверили. А тут еще, как назло, подоспели и любовные огорчения: Веньке кажется, что к нему равнодушна Юля — девушка, которую он полюбил со всем пылом первой юношеской страсти. В довершение всего Венькин письмо к Юле — первое в его жизни любовное письмо, в котором он пытался выразить самые сокровенные свои чувства, случайно попало в руки Уэлкова и теперь, конечно, станет известно всему городу.

Все это вместе взятое приводит Веньку в отчаяние. Боль нестерпима. И Венька пускает себе пулю в лоб... Нет, писатель не оправдывает самоубийства Веньки. Это в корне противоречиво по мужественному и честному строю всей повести. Минувшая Венькина слабость непростительна. Это — дерзостное, которое в конечном счете на руку только Уэлкову.

С мыслью о том, что Венька мог так поступить, почти невозможно примириться, она вызывает глубокий внутренний протест у всех Венькиных друзей, в том числе и у читателя повести. И все же думается, писатель имел право в данном случае на заострение конфликта.

И еще одно. Что значит странное название цикла повести П. Нилкина — «Подвиги жизни»? Мне кажется, что название это можно расшифровать примерно так: жизнь, она все состоит из подробностей, из них, из этих малых подробностей, складается большое, принципиально важное, значительное.

Это нашло отражение и в самой поэтике новых повестей П. Нилкина, в простом, нетронутом, внешне «негероическом» рассказе, в писательском внимании к «мелочам жизни», за которыми очень часто скрыт огромный смысл.

Вот, например, эпизодический случай с комсомольцем Егоровым, которого собираются исключить из комсомола за то, что он якобы принимал участие в церковном обряде — крещении ребенка. В защиту Егорова выступает Венька Малышев, который склонен верить комсомольцу, а не церковному старосте. Егоров не исключают из комсомола. А после собрания Уэлков говорит Веньке: «Иногда в политических интересах надо сурово наказывать одного, чтобы на этом примере научить тысячи... Егоров же какая-то особенная фигура. В огромном государстве, даже в пределах одной губернии его и не заметишь. Как какой-нибудь гвоздик. А тем не менее, за его дело мы могли бы научить многих...»

Вот, оказывается, какая серьезная общественная проблема может возникнуть из такого незначительного, казалось бы, эпизода. Ведь в огромном государстве Егоров, действительно, не более, как «гвоздик». Все дело в том, как к этому «гвоздику» отнестись. Для Уэлкова Егоров — ничто, «подробность», с которой можно не считаться. А для Веньки Малышева — это самое дорогое и важное, ибо за каждой «подробностью» он видит человека, человеческую судьбу.

Новая повесть Павла Нилкина, в которой рассказывается о событиях более чем тридцатилетней давности, говорит о том, что нужно прожить жизнь так, чтобы никакая не кривить душой, не отступать от великой правды коммунизма — ни в большом, ни в малом, ни одним словом, ни одним шагом.

Вот, оказывается, какая серьезная общественная проблема может возникнуть из такого незначительного, казалось бы, эпизода. Ведь в огромном государстве Егоров, действительно, не более, как «гвоздик». Все дело в том, как к этому «гвоздику» отнестись. Для Уэлкова Егоров — ничто, «подробность», с которой можно не считаться. А для Веньки Малышева — это самое дорогое и важное, ибо за каждой «подробностью» он видит человека, человеческую судьбу.

Новая повесть Павла Нилкина, в которой рассказывается о событиях более чем тридцатилетней давности, говорит о том, что нужно прожить жизнь так, чтобы никакая не кривить душой, не отступать от великой правды коммунизма — ни в большом, ни в малом, ни одним словом, ни одним шагом.

них, не понял, как, в сущности, ничтожно их место в нашей большой жизни. Подальшее большинство русских классиков смотрело на современный им уклад жизни осуждающе, со многим они не могли мириться. Иные всей душой отрицали тот отрод, который держался на подавлении мысли и воли народа. Талант и гнев шия рука об руку. Но каждый понимал, что гнев не освобождает художника от обязанностей исследователя явлений и социального строя жизни. Больше того, вынуждает художника быть всеосторонне объективным. Писатель-реалист считал недопустимым произвольное истолкование отдельного случая.

Советские писатели любят свое общество, его настоящее и будущее. Они так же уверены в будущем, как и весь народ. Так, если гнев против строя не мешал реалисту исследовать, добираться до корней фактов, то разве любовь к нашему обществу освобождает художника от того же — от исследования причин явлений, от определения места наблюдаемого в жизни факта? Все равно как-то отрицательного или положительного. Неудачи некоторых произведений в критике отрицательных явлений нашей действительности объясняются, на мой взгляд, недостаточной глубиной этой критики. Смелость художника, думается мне, состоит не в том, чтобы бросить на страницы книги острые сами по себе факты, а в том, чтобы как можно глубже раскрыть их социальную и психологическую природу, их жизненную почву. Там, где писатель ограничивается только описанием положения, факта, его подстерегает опасность лакировки, искажения истины. Когда он делает то же самое с отрицательным фактом, его положение не лучше. А нам, как воздух, нужна суровая и героическая правда, открывающая человека, вооружающая его на борьбу за коммунизм. И мало ли терям мы на том, что художник закрывает от себя и от нас тот источник красоты искусства, который таится в познании тончайших жизненных связей, возбуждении широких ассоциаций, создании глубокого художественного подтекста?

Нет ничего более противостественного для литературы социалистического реализма, как вылатать голый факт за чистую правду, а описание этого факта хотя бы и самое тщательное, — за полноту и искусство. Умисне видеть в фактах, в случаях логику жизни — лучшее свидетельство зрелости таланта, идеальности и красоты литературы.

От Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР

Сегодня мы печатаем в «Литературной газете» список кандидатов на соискание Ленинских премий в области литературы, опубликованный Комитетом по Ленинским премиям в области литературы и искусства.

Как известно, согласно Постановлению Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, ежегодно ко дню рождения В. И. Ленина — 22 апреля — будут присуждаться Ленинские премии за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства. Всего установлено пятьдесят Ленинских премий, размером в семьдесят пять тысяч рублей каждая, в том числе восемь премий за произведения художественной литературы, музыки, изобразительного и театрального искусства, кинематографии.

На соискание Ленинских премий в области литературы и искусства, присуждение которых состоится в 1957 году, всего выдвинуто 107 кандидатов, в том числе в области литературы — 32, музыки — 17, изобразительных искусств — 28, театрального искусства — 23, художественной кинематографии — 7.

После рассмотрения представленных работ в секциях определены списки кандидатов, выдвигаемых секциями для участия в заключительном туре конкурса. Этот список будет опубликован. Советская общественность сможет предварительно ознакомиться с произведениями, представленными на соискание Ленинской премии, и всесторонне их обсудить.

Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства сообщает, что на соискание Ленинских премий, присуждение которых состоится в 1957 году, выдвинуты следующие кандидатуры:

1. Алпатов М. В. «АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ИВАНОВ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО. ТОМ I И II». Монография. Представлена Академией художеств СССР, Московским Союзом советских художников.
2. Вануилин А. Ю. «УСАДЬБА ПЛОДЮЖИНАСОВ», роман. Представлена Союзом советских писателей Литвы.
3. Гранин Д. А. «ИСКАТЕЛИ», роман. Представлена Союзом советских писателей СССР, Ленинградским отделением Союза советских писателей, редколлегией журнала «Звезда».
4. Гулла Д. И. «СТИХИ 1945—1955 г.», сборник стихов. Представлена Союзом советских писателей Абхазской АССР.
5. Дубов Н. И. «СИРОТА», повесть. Представлена Государственным издательством детской литературы.
6. Золотарев Н. Г. «ЗОЛОТЫЕ РУЧЬИ», повесть. Представлена Союзом советских писателей Якутской АССР.
7. Кожевников В. М. «ЗАРЕ НАВСТРЕЧЬ», повесть. Представлена Государственным издательством детской литературы.
8. Козланын П. С. «ЮРГО БРУК», роман. Представлена Союзом советских писателей Украины.
9. Корнейчук А. Е. «БРЫДЬЯ», пьеса. Представлена Союзом советских писателей Украины.
10. Кочетов В. А. «ЖУРБИНЫ», роман. Представлена Союзом советских писателей СССР, редколлегией журнала «Звезда».
11. Крустен З. Я. «СЕРДЦА МОЛОДЫХ», роман. Представлена редколлегией журнала «Дружба народов».
12. Музалевский С. Р. «СЧАСТЬЕ ЯКУТА», стихи и поэмы. Представлена Союзом советских писателей Якутской АССР.
13. Леонов Л. М. «РУССКИЙ ЛЕС», роман. Представлена Союзом советских писателей СССР, редколлегией журнала «Знамя».
14. Леонов Л. М. «ЗОЛОТАЯ БАРЕТА», пьеса. Представлена редколлегией журнала «Октябрь».
15. Мартынов Л. М. Сборник стихов («СТИХИ»). Представлена поэтом Н. Н. Асеевым.
16. Мелешко З. Б. «БРАТСКАЯ ПОЭМА». Представлена Союзом советских писателей Литвы.
17. Мордвин Н. Е. «ВЕСЕННЯЯ ПОРА», роман. Представлена Союзом советских писателей Якутской АССР.
18. Муса Дамиль. «МОАБИТСКАЯ ТЕТРАДЬ», цикл стихотворений из сборника «Избранное». Представлена Союзом советских писателей Татарской АССР, Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, Казанским государственным педагогическим институтом, Московским отделением Союза советских писателей.

19. Нилкин П. Ф. «ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК», «ЖЕСТОКОСТЬ», повесть. Представлена редколлегией журнала «Знамя».
20. Новиков И. А. «ПУШКИН В ИЗГНАНИИ», роман. Представлена группой учителей г. Москвы.
21. Носов Н. М. «ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ И ЕГО ДРУЗЕЙ», сказка. Представлена Государственным издательством детской литературы.
22. Овечкин В. В. «РАПОННЫЕ БУДНИ», «НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ», «В ТОМ ЖЕ РАЙОНЕ», «СВОИМИ РУКАМИ», «ТРУДНАЯ ВЕСНА», очерки. Представлена Московским отделением Союза советских писателей.
23. Остап Вишня. СБОРНИК ЮМОРИСТИЧЕСКИХ САТИРИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ И ФЕЛЬЕТОНОВ, том 2-й, 1950 — 1955 гг. Представлена редколлегией журналов «Перепел», «Дипро», «Украина» и Гослитиздатом Украины.
24. Памч П. И. «БЛОБОТАЛА УКРАИНА», роман. Представлена Союзом советских писателей Украины.
25. Постран Ф. С. «ВСТРЕТИМСЯ НА БАРИКАДАХ», роман. Представлена Союзом советских писателей Белорусской ССР.
26. Рязов В. С. «В ДОБРЫЙ ЧАС!», пьеса. Представлена Московским отделением Союза советских писателей.
27. Смелянов Я. В. «СТРОГАЯ ЛЮБОВЬ», книга стихов. Представлена Московским отделением Союза советских писателей.
28. Тендряков В. Ф. «НЕ БО ДВОРУ», «ТУТОЙ УЗЕЛ», повесть; «ПАДЕНИЕ ИВАНА ЧУПРОВА», «УХАБЫ», рассказы. Представлена Московским отделением Союза советских писателей.
29. Упит А. М. «ПРОСВЕТ В ТУЧАХ», роман. Представлена Союзом Министров Латвийской ССР, Союзом советских писателей Латвии, Институтом языка и литературы Академии наук Латвийской ССР.
30. Чукновский Н. И. «МАСТЕРСТВО НЕБРАСОВА», книга. Представлена Московским отделением Союза советских писателей.
31. Чукновский Н. И. «БАЛТИЙСКОЕ НЕБО», роман. Представлена редколлегией журнала «Знамя».
32. Януб Колас. «НА РОССТАНЯХ», роман. Представлена Союзом советских писателей Белорусской ССР.

Мария Павловна Чехова

15 января в Ялте скончалась сестра и близкий друг великого русского писателя А. П. Чехова — заслуженный деятель искусств РСФСР Мария Павловна Чехова.

Ее имя широко известно многочисленным читателям Чехова в СССР и за рубежом нашей Родины.

Мария Павловна родилась в 1863 году в Таганроге. Получив образование в Москве на Высших женских курсах Герье, она преподавала историю и географию в женской гимназии. Одновременно Мария Павловна успешно занималась живописью, ее работы высоко ценил И. И. Левитан.

Мария Павловна и Антона Павловича связывала глубокая и нежная дружба. Она помогала ему в литературной и общественной деятельности: в постройке школ, в оказании медицинской помощи крестьянам в Мелихово, в подготовке к поездке на Сахалин.

После смерти А. П. Чехова Мария Павловна проделала огромную работу по собиранию его рукописей и писем. Под ее редакцией было выпущено первое шеститомное издание писем А. П. Чехова.

Большой заслугой Марии Павловны является забота о сохранении одного из драгоценных памятников русской культуры — Ялтинского дома А. П. Чехова, который с 1920 года стал музеем — филиалом Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М. П. Чехова была его бессменным директором и хранителем.

В 1921 году Мария Павловна передала в дар советскому народу весь личный архив Антона Павловича Чехова. На основе этого архива был создан Чеховский музей, из которого вырос Государственный литературный музей.

М. П. Чехова принимала деятельное участие в создании Дома-музея А. П. Чехова в Москве, организованного по решению Советского правительства в 1954 году в ознаменование пятидесятилетия со дня смерти А. П. Чехова. Мария Павловна горячо помогала работе чеховских музеев в Таганроге и Мелихово и была неизменным консультантом всех исследователей жизни и творчества Чехова.

При участии Марии Павловны было издано первое полное 20-томное собрание сочинений Чехова. Вместе с младшим братом Михаилом Павловичем она подготовила обстоятельный каталог Дома-музея в Ялте. В 1954 году были изданы письма Марии Павловны к брату А. П. Чехову с ее содержательными комментариями. Последней литературной работой Марии Павловны стали ее воспоминания об А. П. Чехове.

Многолетняя деятельность Марии Павловны явилась ценным вкладом в строительство культуры нашей страны. Советское правительство высоко оценило заслуги Марии Павловны Чеховой и наградило ее орденом Трудового Красного Знамени.

Светлая память о Марии Павловне Чеховой будет всегда жить в наших сердцах.

Правление Союза писателей СССР
Министерство культуры РСФСР
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Государственная библиотека СССР имени Ленина
Государственный литературный музей
Московский Художественный академический театр
Дом-музей А. П. Чехова в Москве

Мария Павловна Чехова в саду у Дома-музея А. П. Чехова (1955 год). Фото В. Кузова

Сестра и друг великого Чехова

В ялтинском воздухе, в дышани крымской природы всегда как бы разлиты и дышаны Чехова. Когда думаешь о Ялте, вспоминаешь и Чехова. Но гармонически это дыхание Чехова связано и с вершинами сплунником его писательской жизни, его другом и помощником, хранителем материальной памяти Чехова в Ялтинском доме — Марией Павловной Чеховой.

Вся ее долгая жизнь была целиком посвящена памяти великого брата. Она оберегала для нас все — и мельчайшую вещь в его доме, и семейные письма, и бесконечную глубину воспоминаний. Она была редактором шеститомного собрания его писем, комментатором, советником целого поколения литературоведов, обязанных ей самыми достоверными сведениями не только о ее прославленном брате, но и о всей одаренной чеховской семье, начиная с преходящего рано умершего художника Николая Чехова; она и сама была способной художницей, ученицей Левитана.

В моей памяти — чеховский сад в раннюю, нежную пору крымской весны, сад, где почти каждое дерево посажено руками Чехова, и легкая фигура Марии Павловны, с которой деревья и даже любой камешек в саду, кажется, говорят своим голосом. Ей было много лет, но у нее была свежая память, она читала книги, радовалась каждому живому голосу в литературе, вела переписку с сотнями людей — аккуртно, по-чеховски, встарелым почерком. Она все помнила до мельчайших деталей, и письмо, которое я получил от нее всего несколько назад, полно такой глубокой любви к литературе, написано таким твердым по черному, словно для Марии Павловны не существовало лет... Летисей жизни А. П. Чехова, знавшая язык нашей страны, почитаема тысячами читателей и посетителей Чеховского дома в Ялте, она была

скромная скромностью Чехова, по-чеховски расположена к людям, и лучшего садовода того сада, который Чехов посадил в нашей литературе, он не мог бы и сыскать. Мария Павловна была для Чехова очень близким и любимым человеком. Она делала свое прекрасное дело, приобщая к великим заветам Чехова новое поколение, была образцом сердечной простоты, трудолюбия и душевного внимания к человеку. В доме Чехова в Ялте остался маленький комната, которую она занимала и которую завещала после своей смерти присоединить к музею Чехова. С волнением переступил по этой комнате будущие посетители, обращенные к памяти благородной русской женщины, человека с большой душой и глубокого жизненного понимания и жизнелюбия — Марии Павловны Чеховой.

В. ЛИДИН

Во всех уголках нашей страны знали, уважали и любили заботливую и неугомонную хозяйку чеховского дома в Ялте. Это с помощью Марии Павловны большой Чехов сажал здесь, на поросшем чертополохом пустыре, среди оврагов и диких камней, дивный сад. Это Мария Павловна, забывшая о себе, любовно создавала обстановку для творчества своего большого брата. До последнего дня своей долгой и светлой жизни Мария Павловна была бессменным хранителем и директором Дома-музея, дорогого всему культурному человеку.

Трудные испытания выпали на долю Марии Павловны в годы войны в оккупированной фашистами Ялте. Только героизм, самоотверженность и самообладание Марии Павловны помогли отстоять священные для нашего народа реликвии от разгрома и расхищения. И вполне заслуженным Марией Павловной было письмо, которое среди со-

тен других писем получила она от советских воинов в дни освобождения Крыма.

«Дорогая Мария Павловна! Боюсь и офицеры воинской части горячо благодарят Вас за то, что Вы в тяжелые дни немецкой оккупации сумели сохранить этот родной и близкий каждому русскому человеку домик нашего замечательного писателя Антона Павловича Чехова.

Сейчас мы идем в бой. Во имя любви и жизни, во имя любви к человеку, во имя всего того, что жил и что любил наш Чехов, мы будем уничтожать орды фашистских злодеев, заливающих кровью наш родную землю.

По поручению бойцов и офицеров части старший лейтенант В. Стеженский.

Память мою бережно хранит день 1944 года, когда я вместе с другими писателями и советскими офицерами приехал в Ялту поздравить Марию Павловну с награждением орденом.

— Я даже не знаю, как благодарить наше правительство за все, — растроганно сказала Мария Павловна. — Постарайсь быть достойной такого доверия.

Каждый раз, когда в последние годы мне приходилось видеть Марию Павловну, я поражаюсь ее неиссякаемой энергии, редкой работоспособности.

Такой она и останется навсегда в нашей памяти. Мы провозим в последний путь неугомонную труженицу, родную и близкую всем нам Марию Павловну с чувством беспредельной благодарности за все, что она сделала для Чехова, для всех нас.

Евгений ПОПОВКИН
(по телефону).

РАЗОРУЖЕНИЕ НЕ ТЕРПИТ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА

Политический комитет Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 14 января начал обсуждать вопрос о разоружении. Он сформулирован в повестке дня следующим образом: регулирование, ограничение и сбалансированное сокращение всех вооруженных сил и вооружений;

закончение международной конвенции (договора) о сокращении вооружений и запрещении атомного, водородного оружия и других средств массового уничтожения.

Разоружение — вне всякого сомнения одна из наиболее важных и насущных проблем современности. В ее успешном разрешении заинтересованы все страны, все народы.

Советский Союз, верный своей постоянной и незыблемой политике мира, стоит за практические меры в этой области, за фундаментальное решение этой проблемы, волнующей человечество. В Заявлении Советского правительства по вопросу о разоружении от 17 ноября 1956 года содержатся конкретные предложения, которые открывают широкие возможности для соглашения между государствами. В начале дискуссии по вопросу о разоружении в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи ООН глава делегации СССР тов. В. В. Кузнецов изложил советскую точку зрения и внес практические предложения.

Мы печатаем сегодня статью известного мексиканского общественного деятеля, лауреата международной Ленинской премии генерала Эрберто Хара, высказывающего по проблеме разоружения.

большими буквами следующие слова Эйзенхауэра:

«Моя родина хочет строить, а не разрушать... Соединенные Штаты знают, что, если бы удалось изменить направление ужасного развития атомной энергии, используемой в военных целях, эта самая разрушительная сила из всех, какие знал мир, могла бы стать великой созидательной силой на благо человечества».

На другом плакате можно было бы прочитать: «Соединенные Штаты пользуются случаем засилье вмешательств вам и тем самым всему миру свою твердую решимость найти выход из ужасной атомной дилеммы и всецело полагаться на помощь чудотворительный гений человека применены бы не на его собственную погибель, а исключительно для сохранения его жизни».

Прекрасно сказано! Но каждый, кто это прочел, невольно спрашивает себя: какая же могущественная причина мешает обратиться в мирную сторону усилия, прилагаемые сегодня на пути подготовки к войне?

огромных количествах, что даже только для того, чтобы все это не заржавело, требуются значительные расходы.

И это не считая колоссальных средств, затрачиваемых на производство атомных и водородных бомб...

В сказанном следует добавить, что миллионы оружейных, накаливающих и в процессе производства, быстро устаревают — появляются более совершенные образцы оружия. Ведь человеческий ум не дремлет — он лихорадочно участвует в гонимых вооружениях, изобретая все новые орудия смерти...

Что же будет дальше? Раньше, чем этого ожидают, многие из того, что еще сегодня кажется из ряда вон выходящим, совершенно необычайным, единственным в своем роде, обратится в грузу железного лома. Она возникнет в результате материальных лишений миллионов людей, напряженного труда миллионов рабочих рук, взлета творческой мысли военных изобретателей...

Когда представляешь себе реальное положение вещей, то становишься очевидным,

что продвигавшееся истребление побуждениями всестороннего разоружения не терпит отлагательства.

Скажем прямо: не нужно действовать с оглядкой, не следует также предлагать такие способы разоружения, при которых можно было бы втайне рассчитывать на то, что сторона, которая честно их осуществит, окажется в ловушке.

Для скорейшего достижения соглашения необходимы добрая воля и доверие. Надо, наконец, прислушаться к постоянным требованиям народов, а не к интересам определенных групп биржевиков.

Следует всегда принимать в расчет и то, что баснословные запасы оружия уже сами по себе создают значительную угрозу и что при этом любой инцидент может послужить искрой для мирового пожара; что испытания атомных, а особенно термоядерных бомб наносят значительный ущерб природным богатствам и здоровью людей.

Концентрировать усилия на военных приготовлениях — значит ухудшать усло-

вия жизни народов. Когда миллионы людей, считающихся врагами, находятся под ружьем, причем порой в самой непосредственной близости друг от друга, это отнюдь не содействует их умиротворению.

Нужно проумать события, которые свидетельствуют о положительном значении мировых переговоров для разрешения вопросов, по которым возникают трения.

Необходимо, чтобы в результате разоружения все предприятия, изготавливающие бомбы, были полностью переведены на производство нужных для жизни предметов, чтобы было определено минимальное количество оружия, производство которого допускалось бы. Необходимо создать контрольный орган, который осуществлял бы наблюдение как за военным производством, так и за тем, чтобы общий план разоружения, по которому будет достигнута договоренность, полностью выполнялся. В противном случае попытки решить насущную проблему разоружения окажутся безрезультатными.

МЕХИНО

КТО ГРЕЕТ РУКИ ПОСЛЕДНИМ ИЛИ КАК В ВАШИНГТОНЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СЕБЕ БУДУЩЕЕ БАГДАДСКОГО ПАКТА

Одна из целей колониальной «политики Эйзенхауэра» — вырвать из рук Англии руководство агрессивным багдадским пактом и полностью превратить страны, входящие в багдадский пакт, в восточную американскую монополию.

(Из газет)

Рис. К. Рогова

«ОХОТА ЗА ВЕДЬМАМИ» В ЮЖНО-АФРИКАНСКОМ СОЮЗЕ

В июне 1955 года Конгресс народного движения Южно-Африканского Союза провозгласил «Хартию свобод». Никогда еще в истории страны здесь не собралось такое множество народных посланцев — в работе конгресса приняла участие 4 000 делегатов.

«Хартия свобод» явилась ответом простых людей всех рас на действия южно-африканского правительства, которое возводило в закон расизм, политическую цензуру и произвольные аресты, обрекло тысячи людей на голодную смерть, выгнало их из родных мест и разорвало по всей стране; ввело позорную «систему обучения» негританских детей, обоснованную тем, что они якобы «неподходящие от рождения» и «во всю жизнь должны находиться в услужении у белых».

Тотчас же после конгресса полиция, по приказу премьер-министра Стрейтума, стала устраивать налеты на дома частных граждан в поисках каких-либо вещественных доказательств, которые изобличали бы их в «государственной измене».

5 декабря 1956 года в Южно-Африканском Союзе начались массовые аресты прогрессивных деятелей. Объявы устраивались на расвете. Было арестовано 155 человек — в основном руководящие деятели и члены Негритянского национального конгресса и Индийского конгресса. Их задержали в разных городах, потом доставляли на самолетах в Преторию, а оттуда — в тюрьму в Йоханнесбургском форте.

В числе арестованных были африканцы, англичане, евреи, негры, «цветные» и индийцы. Общим у них было лишь то, что все они активно выступали против расизма. В числе прочих были арестованы: профессор З. Метьюкс, исполнявший обязанности ректора университетского колледжа в Форт-Хайре, деятель в области просвещения с мировым именем: преподобный Дуглас Томпсон, священник методистской церкви, 11 лет прослуживший в отдаленных районах страны, активный участник многих кампаний по оказанию помощи нуждающемуся населению (он был арестован на рассвете, после того как вернулся из умиротворенного, у постели которого пролежал ночь); Д. Ди-Уорден, независимый, представляющий в парламенте Южно-Африканского Союза негров Капской провинции; г-жа Бантинг, жена известного прогрессивного журналиста Брайана Бантинга; Десли Мессина, секретарь Конгресса профсоюзов — единственного профсоюзного объединения в стране, в котором не существует цветного барьера. Арестованы также почти все лидеры Негритянского национального конгресса и Индийского конгресса, в том числе: Д. Нюве, единственный негр-адвокат в Трансваале; У. Сисулу, бывший секретарь

Негритянского национального конгресса, автор книги «Южная Африка за решеткой»; Моузи Котейн, лидер Негритянского национального конгресса.

В ряде случаев дети арестованных оказались брошенными на произвол судьбы. Так, например, полиция схватила воспитательницу детского сада и ее мужа и отравила их самолетом в Йоханнесбург, а их малыши остались без всякого присмотра. Когда родители обратились в суд с просьбой, чтобы их выпустили на свободу, судья отклонил их ходатайство. Следует отметить, что у одного из арестованных — последняя стадия туберкулеза, у другого — хроническое заболевание сердца. В Дурбане полиция явилась в дом адвоката Индиана, который всего за 48 часов перед тем перенес операцию. Дом был оцеплен полицией; судебное разбирательство намечено провести у постели больного.

Полиция усердно обшаривает дома арестованных и «подозрительных» в поисках каких-либо улик, доказывающих, что они повинны в «государственной измене». В числе таковых, по-видимому, будут причислены изъятая при обысках книга священника Хаддстона, протестующая против расовой политики правительства ЮАС книга Сиднея и Беатрисы Уэбб о Советском Союзе, фотографии известных борцов за права негритянского народа.

Все ходатайства арестованных о том, чтобы выпустить их на поруки, были отклонены.

Предварительный допрос арестованных был проведен в центральном армейском манеже Йоханнесбурга — в городе не нашлось ни одного здания, зал которого вмещал бы судебных чиновников, публику и 155 обвиняемых.

По закону «о государственной измене», изобличенному всевозможными ласкаями, обвиняемые не обязательно подлежат суду присяжных. Дело их может разбираться специальным составом суда, куда входят угловатые представители правительства. По этому закону преступлением считается не только «как государственной измене», но и подготовка к такому акту, а также недонесение полиции о планах его подготовки. Полагая, что партия Стрейтума попытается обосновать обвинения в «государственной измене» тем, что отожествит себя с государством. Однако такой шаг идет вразрез с англо-саксонским правом, которым предусматривается свобода оппозиции в отношении любой правящей партии. В качестве улик на суде, по-видимому, будут фигурировать книги, пропагандирующие со-

циалистические идеи и критикующие расистские концепции. Техника эта позаимствована из арсенала американских «охотников за ведьмами». По законам ЮАС, «государственная измена» карается смертной казнью.

С 19 декабря в Йоханнесбурге идет процесс прогрессивных деятелей ЮАС. Когда первую партию арестованных ввели в зал суда, негритянское население города приняло штурмовать здание суда. На первом же заседании судья пригрозил удалить из зала заключенных, которые обменивались традиционным приветствием Негритянского национального конгресса — поднимали вверх большой палец, восклицая при этом: «Африка! Африка!» Однако на следующем заседании суда он со злобой заметил, что заключенные не подчинились его распоряжению и продолжали обмениваться своим приветствием у него за спиной.

Как отмечала йоханнесбургская газета «Стар», впервые в истории страны граждан Южно-Африканского Союза судят по обвинению в «государственной измене» в мирное время.

«С помощью методов, заимствованных из арсенала гестапо, — пишет английская газета «Манчестер гардиан», — правительство ЮАС пытается подавить нарастающее в стране движение протеста против расовой дискриминации, в котором принимают активное участие как негры, так и белые и индийцы. Правительство Южно-Африканского Союза, как известно, проводит подобную политику под флагом борьбы против коммунизма».

Новая волна расистского террора в ЮАС вызвала рекие протесты в Англии. Как сообщает газета «Манчестер гардиан», организация «Христианское действие», возглавляемая каноником Коллинзом, и «Движение за свободу колоний» проводят сбор средств в защиту арестованных. В Южно-Африканском Союзе такой фонд защиты основали архиепископ Кейптаунский Джеффри Клейтон, настоятель Кейптаунского собора священник Севедаж, епископ Йоханнесбургский А. Ривз, писатель Алаан Патон, лидер фракции лейбористской партии в южно-африканском парламенте Александр Хэппи.

В Лондоне Национальный исполком лейбористской партии принял резолюцию, осуждающую «произвольные аресты противников правительства в Южно-Африканском Союзе». В резолюции, в частности, говорится: «Мы выражаем наше искреннее сочувствие тем, кто смеет бороться против расовой дискриминации в Южно-Африканском Союзе, и обещаем им свою полную поддержку».

ЛОНДОН

Памяти А. Э. Коппарда

Лондон
Общество культурной связи с СССР

Глубоко скорбим о смерти Альфреда Эдгара Коппарда — одного из ветеранов английской литературы, талантливого писателя, горячего сторонника идей мира и дружбы между народами, много сделавшего для укрепления дружеских связей между литераторами наших стран. Просим передать наши искренние соболезнования близким нашего покойного друга.

Правление Союза писателей СССР

13 января скончался известный английский писатель — Альфред Эдгар Коппард. Вест о его кончине глубоко печалит всех тех, кто знал Коппарда по его произведениям, и тем более тех, кто лично общался с этим талантливым писателем и обязательным человеком.

Коппард — один из ветеранов английской литературы (он родился в 1878 г.). С ранних лет он познакомился на собственном опыте с жизнью трудового люда своей страны. Начав писать уже в зрелом возрасте — примерно сорок лет назад, Коппард, рожденный в трудовой семье и переживший множество профессий, охотно избирал героями своих новелл и рассказов простых, скромных людей. Об их радостях и горестях он писал тепло и с любовью. Элементы автобиографичности в его рассказах совсем не случайны. Коппард не ставил себе цели создавать большие полотна с множеством персонажей, изображающие крупные исторические события. Он ставил перед собой более скромные задачи. Но его рассказы и новеллы, проникнутые гуманностью, глубоко правдивые и искренние, имеют свое очарование и по праву вызывают к себе симпатии и интерес читателей. Одна из наиболее привлекательных особенностей творчества Коппарда в том, что в его произведениях раскрываются духовные богатства простых, незаметных людей. Они — его любимые герои — оказываются тоньше, одареннее и человечнее, чем декоративные, сносные и ханжы, к которым писатель не скрывает своего презрения.

Едва ли можно считать случайным, что Коппард, так мастерски рсужающий повседневную жизнь простых людей Англии, был горячим поборником дела мира. Он понимал, что новая война может принести человечеству лишь невиданные бедствия. Несмотря на свой преклонный возраст, Коппард активно выступал против угрозы войны и как писатель и как общественный деятель. Он был среди тех, кто подписал Стокгольмское Воззвание, он неустанно возвышал свой голос в защиту мира.

В 1952 г. Коппард в составе группы английских писателей посетил нашу страну. По возвращении на родину Коппард писал: «Невозможно сомневаться в искренности русского народа и его стремления к миру, так же как нельзя сомневаться в столь же горячем стремлении к миру английского народа... Мы должны думать о России не как о стране, представляющей для нас угрозу, а как о стране, искренне стремящейся к миру во всем мире».

Проявляя истинное мужество, Коппард многое сделал, чтобы вопреки клеветам врагов и недоброжелателей, способствовать укреплению дружеских связей между английскими и советскими писателями.

В дни пребывания Коппарда в СССР, я также во время поездки некоторых из нас в Англию мы часто встречались с ним за дружеской беседой. Эти встречи не угасли в нашей памяти. Мы навсегда сохраним воспоминание о нашем друге Коппарде.

Микола Бажан, Аня Елстратова, Александр Корнейчук, Леонид Леонов, Самуил Маршак, Сергей Михалков, Борис Полевой, Александр Прокофьев, Константин Симонов, Алексей Суворов, Николай Тихонов, Константин Федин.

В СОЗНАНИИ миллионов людей укоренилось убеждение: для того, чтобы жизнь могла свободно развиваться, необходим мир. Эту точку зрения разделяют как высокообразованные и состоятельные люди, так и средний человек, который обычно живет своим трудом.

С каждым днем становится все меньше людей, проявляющих безразличие к столь жизненно важной проблеме. Очень часто пресса публикует авторитетные высказывания, которые призывают безотлагательно устранить все, что порождает у народов тревогу, и укрепить их веру в то, что они не будут вовлечены в цепную войну.

Уже сделано многое в указанном направлении, причем положительные результаты достигнуты благодаря упорным усилиям народов. Однако, хотя результаты и значительны, их еще далеко не достаточно, чтобы народы, проникнувшись необходимой верой в будущее, могли бы целиком посвятить себя тому, к чему зовет их сама жизнь, — созидательному труду, и чтобы их единственная забота заключалась лишь в том, каким путем сделать свое существование более счастливым.

Горячее желание народов обеспечить мир еще не удовлетворено, и вот причина этого: некоторые великие державы не прислушиваются к настоятельным призывам, повторяемым на разных голосах миллионами человеческих существ.

Многочисленные заявления некоторых видных политических деятелей в пользу мира очень часто расходятся с делами.

Впрочем, иногда, например, устраивают выставки, посвященные мирному использованию атомной энергии. У нас, в Мехико, такую выставку организовали Соединенные Штаты Америки. На ней можно было увидеть большие фотографии и макеты, а также маленькие действующие модели, дающие частичное представление о разнообразном применении радиоактивных изотопов в медицине, сельском хозяйстве, металлургии, энергетике и т. д. Однако основное внимание посетителей привлекала: цветная фотография, на которой был изображен президент США Эйзенхауэр, набравший около нее жирным шрифтом высказывание этого же государственного деятеля во славу мира, а также плакат у выхода. Как бы в виде прощального напутствия посетителям выставки на этом плакате были написаны

«Моя родина хочет строить, а не разрушать... Соединенные Штаты знают, что, если бы удалось изменить направление ужасного развития атомной энергии, используемой в военных целях, эта самая разрушительная сила из всех, какие знал мир, могла бы стать великой созидательной силой на благо человечества».

«Соединенные Штаты пользуются случаем засилье вмешательств вам и тем самым всему миру свою твердую решимость найти выход из ужасной атомной дилеммы и всецело полагаться на помощь чудотворительный гений человека применены бы не на его собственную погибель, а исключительно для сохранения его жизни».

«Прекрасно сказано! Но каждый, кто это прочел, невольно спрашивает себя: какая же могущественная причина мешает обратиться в мирную сторону усилия, прилагаемые сегодня на пути подготовки к войне?»

Направивается и другой вопрос. Как могут Соединенные Штаты делать заверения о своей твердой решимости найти выход из ужасной атомной дилеммы, когда сами они неизменно препятствуют принятию предложений, направленных на разрешение проблемы сокращения всех видов вооружений, на полное прекращение использования ядерной энергии для оружия массового уничтожения, на запрещение испытаний атомных и термоядерных бомб, поскольку эти испытания имеют пагубные последствия, что доказано крупнейшими учеными?

Почему для изготовления средств, предназначенных для истребления народов, от народов же требуют столько жертв, которые усугубляют их материальные трудности?

Если и в самом деле агрессию не замышляют, если войны не хотят, то для чего эта бешеная гонка вооружений, которая вынуждает другие народы, чувствующую угрозу, принимать ответные меры?

По-видимому, политические деятели, которые ведут бессмысленную гонку вооружений, предпочитают прежде всего принимать в расчет огромные прибыли, а не требования жизни и законные интересы народов. Или, быть может, они полагают, что им удалось навязать странам, не входящим в орбиту капитализма, войну на экономическом источнике, и эти деятели рассчитывают победить в ней из-за превосходства своих экономических ресурсов? Однако во всем этом они допускают серьезный просчет. Ведь народы теперь осознают, что от них требуют жертв не для того, чтобы сделать более справедливым распределение материальных благ, и не для лучшего будущего. Конечно, тем, что народы раз и навсегда скажут «нет» тем, кто незаконно удерживает плоды их труда, и тогда уж никакие деньги не спасут их вылезать из брешь.

Все усилия в области гонки вооружений обречены на провал. Они могут иметь лишь самые трагические последствия — истребление множества людей и уничтожение огромных материальных ценностей, в том числе прекраснейших творений человеческого разума и рук человека.

Всевозможные виды оружия — от мощного дальнего действия до автомата, самые совершенные самолеты, целые стаальные крепости на воде, бронемашин и т. п. — все это производится в таких

военного быта романтикой мечты, писатель придает образу Николеттины подлинную ошущенность жизни.

С первых же страниц перед читателем крупным планом раскрывается внутренний, казалось бы, даже ограниченный мир простого, доверчивого, неуклюжего крестьянского парня. В полные смутные дни фашистского нашествия на его могучие плечи свалилась большая забота о матери-родне, и он по-своему, с юношеской, еще неумелой угловатостью, но вместе с тем неуемной ответственностью за ее судьбу. С каждой страницей читателю становится все виднее за этой неуклюжей, простецкой оболочкой большая душа, здоровая, практическая сметка человека труда, который без позы, просто и естественно, делает жизненное для него дело национального освобождения своего народа.

В точно набленной, даже подчеркнута будничной боевой ситуации Чопич раскрывает большое, всенародное содержание.

Вот, например, почти вольнолюбивый заучивший разговор на кладбище родного села с земляком-соседом и другом-партизаном малорослым Иовичем. Партизаны, отстреливаясь от фашистов, перебегают от могилы к могиле под защитой надгробных камней, перебарываются отравляющими словечками и по-прежнему не вступают в борьбу за лучшее устройство мира.

Что же особенно дорого в этих, на первый взгляд несприятельных, будто ни на что большее не претендующих, смешных рассказах о Николетине?

Прежде всего настоятельное желание писателя раскрыть в человеке именно человеческое, лучшее, заставить читателя поверить в победную силу этого лучшего. Дорого то, что с каждой новой чертой характера Николетины в нем все более олицетворяется образ народа. Дорого, что автор, так щедро любя свой народ и веря в него, столь же щедро делится своей любовью и верой с читателем. Думая об этом, я не могла не вспомнить слова, принятые некогда еще Балзаком за правило и столь любимые им: «Писатель должен рассматривать себя как воспитателя людей, так как люди не нуждаются в учителях, чтоб сомневаться».

Однако мастерство Чопича напоминает в какой-то мере самого Николетину, который все высочайше стилизовано таит, отбрасывает по глубже, скрывает за внешней трудолюбивой, как автор скрывает свою взволнованность, как автор за шуткой. Мастерство Чопича видится мне в том, как ненавязчиво, тонко, оттягивая трагическое смешным, патетическое лирикой, поэтическую будничность

обесценивший в бою. голодный и измученный Николетина отказывается принять его наставления на его могучие плечи свалилась большая забота о матери-родне, и он по-своему, с юношеской, еще неумелой угловатостью, но вместе с тем неуемной ответственностью за ее судьбу. С каждой страницей читателю становится все виднее за этой неуклюжей, простецкой оболочкой большая душа, здоровая, практическая сметка человека труда, который без позы, просто и естественно, делает жизненное для него дело национального освобождения своего народа.

В точно набленной, даже подчеркнута будничной боевой ситуации Чопич раскрывает большое, всенародное содержание.

Вот, например, почти вольнолюбивый заучивший разговор на кладбище родного села с земляком-соседом и другом-партизаном малорослым Иовичем. Партизаны, отстреливаясь от фашистов, перебегают от могилы к могиле под защитой надгробных камней, перебарываются отравляющими словечками и по-прежнему не вступают в борьбу за лучшее устройство мира.

Что же особенно дорого в этих, на первый взгляд несприятельных, будто ни на что большее не претендующих, смешных рассказах о Николетине?

Прежде всего настоятельное желание писателя раскрыть в человеке именно человеческое, лучшее, заставить читателя поверить в победную силу этого лучшего. Дорого то, что с каждой новой чертой характера Николетины в нем все более олицетворяется образ народа. Дорого, что автор, так щедро любя свой народ и веря в него, столь же щедро делится своей любовью и верой с читателем. Думая об этом, я не могла не вспомнить слова, принятые некогда еще Балзаком за правило и столь любимые им: «Писатель должен рассматривать себя как воспитателя людей, так как люди не нуждаются в учителях, чтоб сомневаться».

Однако мастерство Чопича напоминает в какой-то мере самого Николетину, который все высочайше стилизовано таит, отбрасывает по глубже, скрывает за внешней трудолюбивой, как автор скрывает свою взволнованность, как автор за шуткой. Мастерство Чопича видится мне в том, как ненавязчиво, тонко, оттягивая трагическое смешным, патетическое лирикой, поэтическую будничность

во всем этом они допускают серьезный просчет. Ведь народы теперь осознают, что от них требуют жертв не для того, чтобы сделать более справедливым распределение материальных благ, и не для лучшего будущего. Конечно, тем, что народы раз и навсегда скажут «нет» тем, кто незаконно удерживает плоды их труда, и тогда уж никакие деньги не спасут их вылезать из брешь.

Все усилия в области гонки вооружений обречены на провал. Они могут иметь лишь самые трагические последствия — истребление множества людей и уничтожение огромных материальных ценностей, в том числе прекраснейших творений человеческого разума и рук человека.

Всевозможные виды оружия — от мощного дальнего действия до автомата, самые совершенные самолеты, целые стаальные крепости на воде, бронемашин и т. п. — все это производится в таких

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

Рассказы о Николетине

Только что я с чувством благодарности открыла книгу югославского писателя Бранко Чопича «Случай из жизни Николетины Бурсача». Откровенно признаюсь, мне только еще и еще слышатся эти, полные мудрой, всевидящей любви, веселые рассказы о человеке большой душевной чистоты, прямолинейном богатстве из горного босяцкого селения, партизанском пулеметчике и командире славном Николетине.

Я читала рассказы за рассказом, и Николетина — у нас бы его имя прозвучало Николасич, — Николетина становился мне все понятнее и ближе. Конечно, именно этот грубоватый, длинноногий вловий сын, который мальшом еще бесстрашно сражался с лукавым врагом-лисой, всегда вступал за мальчюк, который с детства познал нужду, яничку сестренку, твердо понимал, что богины следует присесть к зме, конечно, именно он в трудную годину должен был стать на защиту большой справедливости, вступить в борьбу за лучшее устройство мира.

Что же особенно дорого в этих, на первый взгляд несприятельных, будто ни на что большее не претендующих, смешных рассказах о Николетине?

Прежде всего настоятельное желание писателя раскрыть в человеке именно человеческое, лучшее, заставить читателя поверить в победную силу этого лучшего. Дорого то, что с каждой новой чертой характера Николетины в нем все более олицетворяется образ народа. Дорого, что автор, так щедро любя свой народ и веря в него, столь же щедро делится своей любовью и верой с читателем. Думая об этом, я не могла не вспомнить слова, принятые некогда еще Балзаком за правило и столь любимые им: «Писатель должен рассматривать себя как воспитателя людей, так как люди не нуждаются в учителях, чтоб сомневаться».

Однако мастерство Чопича напоминает в какой-то мере самого Николетину, который все высочайше стилизовано таит, отбрасывает по глубже, скрывает за внешней трудолюбивой, как автор скрывает свою взволнованность, как автор за шуткой. Мастерство Чопича видится мне в том, как ненавязчиво, тонко, оттягивая трагическое смешным, патетическое лирикой, поэтическую будничность

во всем этом они допускают серьезный просчет. Ведь народы теперь осознают, что от них требуют жертв не для того, чтобы сделать более справедливым распределение материальных благ, и не для лучшего будущего. Конечно, тем, что народы раз и навсегда скажут «нет» тем, кто незаконно удерживает плоды их труда, и тогда уж никакие деньги не спасут их вылезать из брешь.

Все усилия в области гонки вооружений обречены на провал. Они могут иметь лишь самые трагические последствия — истребление множества людей и уничтожение огромных материальных ценностей, в том числе прекраснейших творений человеческого разума и рук человека.

Всевозможные виды оружия — от мощного дальнего действия до автомата, самые совершенные самолеты, целые стаальные крепости на воде, бронемашин и т. п. — все это производится в таких

во всем этом они допускают серьезный просчет. Ведь народы теперь осознают, что от них требуют жертв не для того, чтобы сделать более справедливым распределение материальных благ, и не для лучшего будущего. Конечно, тем, что народы раз и навсегда скажут «нет» тем, кто незаконно удерживает плоды их труда, и тогда уж никакие деньги не спасут их вылезать из брешь.

Все усилия в области гонки вооружений обречены на провал. Они могут иметь лишь самые трагические последствия — истребление множества людей и уничтожение огромных материальных ценностей, в том числе прекраснейших творений человеческого разума и рук человека.

Всевозможные виды оружия — от мощного дальнего действия до автомата, самые совершенные самолеты, целые стаальные крепости на воде, бронемашин и т. п. — все это производится в таких

во всем этом они допускают серьезный просчет. Ведь народы теперь осознают, что от них требуют жертв не для того, чтобы сделать более справедливым распределение материальных благ, и не для лучшего будущего. Конечно, тем, что народы раз и навсегда скажут «нет» тем, кто незаконно удерживает плоды их труда, и тогда уж никакие деньги не спасут их вылезать из брешь.

Все усилия в области гонки вооружений обречены на провал. Они могут иметь лишь самые трагические последствия — истребление множества людей и уничтожение огромных материальных ценностей, в том числе прекраснейших творений человеческого разума и рук человека.

Всевозможные виды оружия — от мощного дальнего действия до автомата, самые совершенные самолеты, целые стаальные крепости на воде, бронемашин и т. п. — все это производится в таких

во всем этом они допускают серьезный просчет. Ведь народы теперь осознают, что от них требуют жертв не для того, чтобы сделать более справедливым распределение материальных благ, и не для лучшего будущего. Конечно, тем, что народы раз и навсегда скажут «нет» тем, кто незаконно удерживает плоды их труда, и тогда уж никакие деньги не спасут их вылезать из брешь.

Все усилия в области гонки вооружений обречены на провал. Они могут иметь лишь самые трагические последствия — истребление множества людей и уничтожение огромных материальных ценностей, в том числе прекраснейших творений человеческого разума и рук человека.

Всевозможные виды оружия — от мощного дальнего действия до автомата, самые совершенные самолеты, целые стаальные крепости на воде, бронемашин и т. п. — все это производится в таких

во всем этом они допускают серьезный просчет. Ведь народы теперь осознают, что от них требуют жертв не для того, чтобы сделать более справедливым распределение материальных благ, и не для лучшего будущего. Конечно, тем, что народы раз и навсегда скажут «нет» тем, кто незаконно удерживает плоды их труда, и тогда уж никакие деньги не спасут их вылезать из брешь.

Все усилия в области гонки вооружений обречены на провал. Они могут иметь лишь самые трагические последствия — истребление множества людей и уничтожение огромных материальных ценностей, в том числе прекраснейших творений человеческого разума и рук человека.

Всевозможные виды оружия — от мощного дальнего действия до автомата, самые совершенные самолеты, целые стаальные крепости на воде, бронемашин и т. п. — все это производится в таких